Что год грядущий нам готовит и почему так тяжко на душе

Евгений НАДОРШИН,
главный экономист,
«ПФ Капитал»

Конец одного из худших в новейшей истории России годов уже не за горами — самое время поговорить о том, что же год грядущий нам готовит.

Проблема более высоких издержек касается всех сфер — как трансграничного взаимодействия, так и внутренней экономической ситуации

Две тысячи двадцатый был тяжелым: пандемия с карантинами, нехваткой лекарств, медицинского оборудования, врачей органично дополнилась пусть непродолжительным, но глубоким экономическим спадом и высокой смертностью. Следующий, 2021-й, несмотря на бодрый восстановительный рост, выдался непростым, принеся с собой еще большее количество дефицитов и еще более высокую смертность, а в дополнение — очередной бум криптоактивов и инфляцию, контроль над которой, кажется, начали терять денежно-кредитные власти по всему миру.

От 2022-го хотелось какой-то стабилизации и возвращения к чему-то более обыденному, спокойному, что ли, но нет — сложилось иначе, и год по объему негатива заткнул за пояс оба предыдущих и еще не одно десятилетие до них: военная операция, санкции и контрсанкции, а теперь еще и мобилизация принесли с собой столько проблем для экономики, что двухлетней рецессией без уверенного роста после нее никого и не удивишь. Сейчас, наверное, нет никого публикующего свои прогнозы по России, кто ждал бы роста в 2023 году, различаются лишь масштабы прогнозируемого спада, например: –0.8% в официальном МинЭк, –2.3% МВФ, –3.6% от Всемирного банка, –2.1% в октябрьском опросе ЦБ и –2.5% (среднее из границ) в собственном прогнозе регулятора. Несмотря на значительный разброс цифр ожидания на 2023 год лучше, чем на 2022-й, и спад, который ждут в следующем году, ниже, чем в текущем, где консенсус находится в районе –3–3.5% с редкими исключениями вроде Всемирного банка (–4.5%). Я один из тех пока немногих, кто ожидает, что 2023 год будет хуже, чем 2022-й, и впервые в новейшей истории мы спустя полгода падения находимся еще только на входе в глубокую рецессию. Если точнее, то ожидаю, что спад в 2023-м составит 5% против 3% в текущем году, и это в базовом сценарии. Ниже я кратко расскажу почему.

УДУШАЮЩИЕ САНКЦИИ

Можно довольно много и местами даже с фактами в руках рассуждать о том, что санкции оказались малоэффективны, а российская экономика очень устойчива и успешно справляется с их последствиями, что запрещенное к импорту оборудование можно будет или произвести собственными силами, или ввезти из других стран, или, наконец, достать по «каналам параллельного импорта». Однако попытка

разобраться в вопросе приводит к заметно менее оптимистичным выводам:

• санкции и последовавшие контрсанкции сильно ограничили трансграничное движение капитала и операции с ним для нерезидентов различных юрисдикций, в результате российский финансовый рынок в значительной степени изолирован от внешнего влияния;

• санкции и контрсанкции внесли серьезные искажения в информационный обмен вплоть до документооборота, и даже важные новости извне оказывают весьма умеренное влияние на развитие событий внутри;

• они же радикально сократили трансграничную мобильность населения, почти отрезав Россию от ряда регионов;

• хотя глубокого и резкого спада удалось избежать, решения для подавляющей части проблем с импортом если и найдены, то временные и лежат они вовсе не в той плоскости, где обстоятельства позволяют вести разговор о повышении производительности или эффективности.

Во многих случаях компаниям действительно удалось ценой значительного роста разнообразных издержек (включая неденежные, например потери времени) найти замену прежним поставкам (или методам расчетов), нередко временную и неоптимальную, а еще без уверенности, что даже такие условия работы сохранятся. Однако в не меньшем количестве случаев (чаще это касается инвестиционного оборудования, но отнюдь не ограничивается этой категорией) решение проблемы просто отсрочили за счет запасов (это какие же надо было сформировать!) и местных кулибиных и левшей (смастерить что-нибудь эдакое «на коленке» — наше все!). Однако, судя по статистике, это далось ценой падения эффективности и производительности, причем внушительного.

Проблема более высоких издержек касается всех сфер — как трансграничного взаимодействия (начиная с денежных переводов и далее чего ни коснись — везде картина одинакова), так и внутренней экономической ситуации.

Примеры описанного мной несложно найти даже при поверхностном изучении. Например, авиационная отрасль, где не удалось найти ни запчастей по каким-либо каналам, ни оборудование для необходимых работ, не удалось ни запустить импортозамещение в сколько-нибудь значимых масштабах, ни даже реализовать ранее многократно озвучивавшиеся планы выпуска отечественной продукции (МС-21 снова отложен — теперь ждет двигателя), «Сухой Суперджет» ушел на перепроектирование, а у авиакомпаний на ближайшие годы (!!!), вероятно, единственный способ эксплуатировать хотя бы часть парка — каннибализация другой части.

Из менее сложных и более очевидных примеров — ассортимент продукции на полках офлайн-магазинов или витринах их онлайн-собратьев. Он внушительно сократился по очень большому спектру даже не попавших под санкции товаров, а цены на то, что осталось, нередко весьма далеки от тех, что можно было наблюдать еще в начале года. Это очевидным образом не просто сдерживает потребительские расходы, но ведет к неэффективности использования бюджета домохозяйств.

Я полагаю, что проблемы импорта, с которыми мы столкнулись в этом году и которые порождают многочисленные неэффективности в производстве и потреблении, — это в большей степени сложности экономики вовсе не текущего, а последующих годов. В краткосрочном периоде «затычки» в виде избыточных запасов, неполностью подходящих компонентов, кустарных решений или более активного использования труда, когда капитала не хватило (отчего, думаете, безработица даже снижается в кризис?), — если речь о бизнесе, или кредитов на различные нужды — если речь о домохозяйствах, позволят их прикрыть. Однако на более длинном горизонте огромное количество решений, принятых под давлением обстоятельств, которые очевидны уже сейчас, дадут себя знать падением производительности, а при дефиците рабочей силы — более глубоким спадом ВВП.

Знаете, почему спринтеры не бегают стайерские дистанции? Ответ на этот вопрос можно буквально увидеть, бросив лишь беглый взгляд на тех и других. Спринтеров внешне вполне можно спутать с культуристами, а бегуны на длинные дистанции сухи настолько, что и вообразить их спортсменами бывает иногда сложно. Мускульная масса спринтера — это лишь балласт на дистанции стайера. В тех мерах, которыми попытались нивелировать эффект санкций, я вижу решения спринтеров — недолго на них можно продержаться, а вот стайерских решений не вижу. А дистанция, похоже, длинная, и мы лишь в самом ее начале.

Несмотря на то что я потратил много текста на описание эффекта от санкций на импорт товаров и трансграничные операции, они представляют собой не самый сильный негативный фактор давления на экономику в 2023 году: их влияние нарастет постепенно, и пусть в следующем году оно будет сильнее, чем в текущем, но пик воздействия обнаружится на более длинном горизонте. Краткосрочный эффект будет заметно сильнее, например, от ограничений на экспорт нефти и нефтепродуктов, вошедших, в частности, в шестой и восьмой пакеты санкций ЕС и поддержанных G7. Причина в том, что хотя санкции весьма эффективно ограничили многие виды взаимодействий, в частности потоки капитала как в Россию, так и из нее, в торговле они смогли значимо воздействовать пока в основном на импорт — основная его масса была под прямым контролем тех стран, которые эти санкции вводили.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ — СИТУАЦИЯ ЗАМЕТНО УХУДШИТСЯ ПО СРАВНЕНИЮ С 2022 ГОДОМ

В результате получилось так, что торговля сейчас — это и основной канал поддержки экономики, и основной канат, связывающий Россию с внешним миром, и проводник, по которому санкционные или иные шоки затронут экономику страны.

А шоков в наступающем году легко угадывается два, и обещают они больно ударить по экспорту.

Санкции на экспорт нефти и нефтепродуктов обещаны довольно давно, и хотя вокруг них остается еще изрядная доля неопределенности, в том или ином виде они введены будут. Из-за вялых темпов мирового роста увернуться от них, как это сделали весной, не получится — не нужно будет сильно зависящей от экспорта Азии столько, сколько все еще забирает ЕС и некоторые из Группы Семи вне его. Причем велика вероятность, что нефтепереработка пострадает даже больше, чем добыча: в Азии есть избыточные перерабатывающие мощности, и тот объем и состав нефтепродуктов, который шел только в Европу (экспорт нефти и нефтепродуктов в ЕС приблизительно одинаковы — что в деньгах, что в физическом выражении), там просто не нужен, да и перевозить нефтепродукты несколько сложнее, чем нефть, из-за меньшей однородности. В итоге вступление в силу таких санкций может обернуться падением добычи на величину, сопоставимую с 10% с уровней 2022 года. У переработки весьма вероятно снижение даже на большую величину — на сектор значимо влияет скорость

утилизации топлива в зоне военных действий. Спад в нефтяном секторе потянет за собой ряд смежный секторов, что может «стоить» около 1.5% ВВП даже в 2023 году.

Рецессия или околонулевой рост. Мой базовый прогноз рецессии в мире пока не предполагает, ожидаю лишь замедления роста до небольших положительных значений, зато на несколько ближайших лет. Правда, субъективно оцениваю вероятность рецессии как весьма близкую к тому, чтобы стать базовым сценарием. Безусловно, даже при низких, но положительных темпах роста в мире многие регионы окажутся в зоне спада. В этих условиях я не представляю себе, чтобы удалось удержаться даже текущему уровню цен на многие виды сырья, особенно энергетического, даже несмотря на значительную геополитическую премию. С высокой долей вероятности цены на нефть марки Urals окажутся ниже тех ограничений, что обсуждают сейчас в рамках санкций, поэтому они роль играть перестанут. Однако это также ударит и по возможности поставлять сырье на Восток, поскольку такой маневр комфортно осуществлять при высоком уровне цен, которые и позволяют оплачивать повышенные вознаграждения перевозчикам и страховщикам (или не страховать вовсе, а брать риски на себя), использовать неоптимальные и длинные маршруты, а также принимать отложенную оплату. В базовом сценарии, где рост все еще есть, в ненефтяном сырье падение ограничится скромными однозначными темпами и ВВП потеряет не более 1% в дополнение к эффекту от санкций, описанному выше (спад в нефтянке ожидаю почти такой же, как от санкций). В случае рецессии двузначные темпы падения будут наблюдаться не только в нефтянке, и это гораздо заметнее повлияет на экономику в целом.

Важно также отметить, что ОПЕК+, на который рассчитывают власти сейчас, скорее всего, не сможет изменить баланс спроса и предложения на рынке нефти в случае глобальной рецессии, даже в случае околонулевых темпов роста это представляется затруднительным. Разве что нестабильность в Иране может как-то упростить решение задачи.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ШОК — А КАК ЖЕ БЕЗ РУКОТВОРНОГО?!

Несмотря на, кажется, скромный масштаб частично мобилизации (300 тысяч — это 0.4% рабочей силы), ее эффект имеет значительно более заметные последствия. В первую очередь потому, что немало людей мобилизуют из тех секторов, где в этом году уже наблюдался дефицит рабочих рук и восполнить его некем, — в логистике, строительстве и ряде других секторов потребности схожи с мобилизационными. Покинувший рынок труда водитель или грузчик, которого не удалось заменить, может сильно снизить эффективность всей цепочки создания стоимости — от производителя продукта до прилавка в магазине. Призыв предпринимателя и вовсе может убить бизнес. Полагаю, мобилизация будет «стоить» около 0.5–1% производительности, а в условиях дефицита труда превратится в непроизведенный ВВП.

Помимо прямого у мобилизации есть еще и не меньший косвенный ущерб. После объявления о ее начале страну покинуло несколько сотен тысяч человек. Некоторые возвращаются, но обратный поток, похоже, на порядок скромнее оттока. Подавляющая часть уехавших представляли не самые бедные слои населения и играли не последнюю роль в компаниях, где работали, они также вносили вклад в потребление, превышающий средние значения (по данным Росстата, например, самые обеспеченные 20% населения осуществляли более чем 40% потребительских расходов). Результирующий удар и по производительности, и по потреблению от их отъезда будет даже выше, чем от мобилизации напрямую и, вероятно, составит 1–2% ВВП.

ИТОГО

Собрав все минусы описанных шоков вместе, получаем около 4–5% падения в 2023 году.

Безусловно, я перечислил совсем не все негативные факторы. Также есть и те явления (и их не так уж мало), что будут вносить положительный вклад в динамику ВВП, в частности рост оборонных расходов, потребление населения присоединенных территорий и выпуск продукции на них же. Перечислять можно много, но, в моем понимании, по значимости они скромнее описанных выше, а также с запасом перекрываются «механическим» спадом I квартала 2023 года. Наверное, это уже вспоминается с трудом, но в I квартале 2022 года экономика России росла, и довольно неплохо. К сожалению, в 2023-м нет никаких шансов, на мой взгляд, войти с растущей экономикой: в начале года экономическая активность будет подавлена. Это, в свою очередь, принесет внушительные темпы падения к аналогичному периоду предыдущего года, которые еще надо будет «отыгрывать» последующие 3 квартала, чтобы «выйти в ноль». Вот на этот «отыгрыш» позитивных факторов едва и хватит. К сожалению, такого развития событий, которое позволило бы компенсировать не только неудачные, хотя и в основном предопределенные итоги I квартала 2023 года, но еще и «до кучи» шоки, описанные мной выше, я не наблюдаю.

Торговля сейчас — это и основной канал поддержки экономики, и основной канат, связывающий Россию с внешним миром, и проводник, по которому санкционные или иные шоки затронут экономику страны